

Попов С. Г. Ректор Московской Духовной Академии прот.
Александр Васильевич Горский: (Опыт биографического очерка) //
Богословский вестник 1896. Т. 1. № 1. С. 55–72 (2-я пагин.).
(Начало.)

Ректоръ Московской Духовной Академіи
ПРОТОІЕРЕЙ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.
(Опытъ біографическаго очерка).

*„Просимъ помнить насъ, доколь мы
живы, и поминать, когда умремъ“...
А. В. Горскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача нашего труда помимо насъ, раньше опредѣлена желаніемъ Преосв. Николая, епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, на премію котораго, учрежденную въ М. Д. Академіи, этотъ трудъ предназначался. Мы должны составить „обстоятельную“ біографію Александра Васильевича; причемъ, въ біографіи — „обращать вниманіе не столько на характеристику его ученыхъ трудовъ, сколько на отношенія покойнаго къ его сослуживцамъ, студентамъ, начальникамъ-іерархамъ, и къ роднымъ“. На нашу долю оставлено лишь—изыскать болѣе удобные способы для исполненія этой задачи и исполнить ее.

Соображая требованія, а съ другой стороны — время и средства, мы положили себѣ:

- 1) раздѣлить біографію на двѣ части: историческую и другую, если такъ можно сказать, — нравственно-практическую;
- 2) останавливаться въ жизни А. В-ча на такихъ событіяхъ и данныхъ, которыя не извѣстны еще въ печати;
- 3) пользоваться по преимуществу тѣми матеріалами, которые хранятся въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ, и

4) приводить для большей документальности словъ подлинныя изъ матеріаловъ мѣста. (Къ этому мы побуждались еще и тѣмъ, чтобы сохранить отъ возможнаго уничтоженія матеріалы рѣдкіе).

Матеріалы наши были слишкомъ богаты; масса ихъ подавляла насъ. Поэтому, можетъ быть, мы и не всегда умѣли выбрать изъ нихъ болѣе цѣнные для біографіи; поэтому, можетъ быть, и она вышла не такъ, какъ хотѣлось, полна.

Изъ печатныхъ мы располагали:

а) „Дневникомъ“ А. В-ча, прежде всего. — Его началъ А. В-чъ съ 1830 года, когда въ Академіи перешелъ на старшій курсъ, и продолжилъ, съ перерывами, до 1840 года. Съ этого года онъ велъ, — очень рѣдко, впрочемъ, — только отрывочныя дневныя записи, до самаго года своей смерти включительно (1875). Въ печати дневникъ сталъ извѣстенъ лишь съ 1876 года, а появился уже въ 1884 году. Цѣлью его у А. В-ча было: „усугубленіе вниманія къ самому себѣ и наблюденія за собою какъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ въ особенности со стороны нравственной“. Но для насъ особенно дорога была только первая его часть, заключающая въ себѣ почти исключительно изображеніе внутренней, духовной жизни А. В-ча. Вторая, гдѣ записаны болѣею частью одни разговоры съ А. В-чемъ м. Филарета, не имѣла для насъ большаго значенія.

б) Статьями объ А. В-чѣ:

— С. К. Смирнова, — „Воспоминанія о покойномъ ректорѣ Моск. Дух. Академіи, прот. А. В. Горскомъ (Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ М. Д. Академіи 1 окт. 1876 года. — Прав. Обозр., 1876, III). — Его статья имѣла всецѣлое значеніе, пока въ академическомъ журналѣ не былъ напечатанъ дневникъ. Мы пользовались изъ нея только тѣми письмами отца и матери къ А. В-чу, которыхъ намъ не пришлось достать въ подлинникахъ.

— Н. И. Троицкаго, — „Воспоминанія о прот. А. В. Горскомъ“ (по поводу трехъ его писемъ. — Чт. въ Общ. люб. дух. просв., 1881, III).

— Студента XXVII курса (А. П. Смирнова), — „Изъ студенческаго дневника“ (воспоминанія объ А. В. Горскомъ. — Душепол. Чт., 1891, III).

— П. С. Казанскаго, — „Изъ моихъ воспоминаній объ

А. В. Горскомъ по поводу рѣчи проф. С. Смирнова (Прав. Обзор., 1876, III).

— Г. П. Смирнова-Платонова, — „Изъ области воспоминаній и мечтаній“ (спігiculum vitae. — Дѣтская помощь, 1885 г.).

— М. В. Толстаго, — „Хранилище моей памяти“ (Душ. Чт., 1890, III). — Авторы этихъ статей дали намъ много характеристичныхъ разсказовъ объ А. В-чѣ, начиная съ лѣтъ его студенчества.

— А. П. Лебедева, — „Нѣсколько свѣдѣній о покойномъ Горскомъ, какъ профессорѣ церковной исторіи“ (Чт. въ Общ. л. д. пр., 1879, I). — Здѣсь представлена характеристика классныхъ чтеній А. В-ча и вообще ученыхъ его трудовъ.

в) Печатными письмами къ А. В-чу:

— Филарета, архіеп. Черниговскаго (Прибав. къ твор. св. отцевъ, XXXI, XXXIII, XXXVI).

— Евсевія (Орлинскаго), архіепископа Могилевскаго (Приб. XXXVII), и

— м. Московскаго Филарета (Приб., XXIX, XXX).

Брошюрами и мелкими статьями: „Памяти о Ректора Моск. Дух. Академіи, прот. А. В. Горскаго“ (оттискъ изъ Прав. Обзор., 1875, III); Г. А. Воскресенскаго, — „А. В. Горскій“ (оттискъ изъ „Славянскаго Обзорѣнія“, СПБ. 1892, Окт.); А. Д. Бѣляева, — „А. В. Горскій“ (Москва. 1877); И. Н. Корсунскаго, — „А. В. Горскій“ (Историч. зап. о дѣятельности Имп. Моск. Археолог. Общ.); С. К. Смирнова, — „Sortes sanctorum“ (Прав. Обзор., 1876, III); „А. В. Горскій“ (некрологъ, Прав. Обзор., 1875, III); „А. В. Горскій“ (по поводу 35-лѣтія служебной дѣятельности. — Прав. Обзор., 1867, III).

Справочною книгою, когда мы должны были касаться Академіи, служила намъ „Исторія Моск. Дух. Академіи до ея преобразованія (1814—1870)“ — С. К. Смирнова.

Но главный нашъ матеріалъ заключался въ подлинникахъ-письмахъ А. В-ча и къ нему. Бóльшая часть ихъ хранится въ Академіи въ архивѣ Горскаго; а нѣсколько доставлено было намъ обязательными — Дм. Ѳед. Голубинскимъ и Ольгой Петровной Салмановой, племянницей А. В-ча.

Писемъ А. В-ча сравнительно очень немного; напр., — къ отцу мы не нашли ни одного, къ сестрѣ — тоже; къ брату Влад. Вас-чу только три. Были у насъ письма — къ Ѳ. А.

Голубинскому (10-ть), ректорамъ Филарету (2) и Евсевию (3), инспектору архим. Михаилу (2), В. Д. Кудрявцеву (1), и нѣсколько черновыхъ—къ м. м. Филарету и Иннокентію, и епископамъ—Леониду и Антонію (Казанскому); а также переписка съ К. И. Невоструевымъ (болѣе 500 писемъ).—Послѣдняя началась у него съ года окончанія Невоструевымъ въ Академіи курса (1840 г.) и продолжалась до смерти его въ 1872 году. Большая половина писемъ къ нему падаетъ на тотъ періодъ времени, когда А. В-чъ занимался съ нимъ описаніемъ синодальныхъ рукописей (1849—1863 г.). Кто задумалъ бы писать исторію книги: „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“—Горскаго и Невоструева, тотъ нашелъ бы въ нихъ богатѣйшій на эту тему матеріалъ; а намъ пригодились изъ нихъ лишь нѣсколько писемъ,—тѣ, въ которыхъ А. В-чъ касается кстати или лично себя и своихъ обстоятельствъ, или домашнихъ, или Академіи. Изъ писемъ его къ другимъ лицамъ особенно были цѣнны для насъ—къ Евсевию и Филарету Черниговскому. Обращаясь къ нимъ по различнымъ вопросамъ духовнаго дѣланія надъ собою, А. В. раскрывалъ имъ всю свою душу. По значенію, какое эти письма имѣютъ для характеристики нравственной личности его, они достойны занять мѣсто на ряду съ „дневникомъ“. Письма къ остальнымъ особамъ важны просто какъ историческій матеріалъ; ими мы и пользовались въ первой части своего сочиненія.

Изъ писемъ къ А. В-чу мы имѣли: письма его отца (съ приписками матери, всѣхъ—27), сестры (1), брата (1) и др. родственниковъ; также—обоихъ митрополитовъ, нѣкоторыхъ сослуживцевъ, бывшихъ учениковъ, знакомыхъ и почитателей его (всего около 2000 шт.).—Изъ нихъ мы отдали предпочтеніе, разумѣется, первымъ: они познакомили насъ съ домашней жизнью и средой А. В-ча; а вмѣстѣ съ послѣдними они были характеристичны для отношеній А. В-ча къ ихъ авторамъ.

Кромѣ всего этого намъ были открыты архивы академической и семинарскій (московскій). Но время не позволило намъ воспользоваться всѣми предлагаемыми въ нихъ матеріалами. Изъ семинарскаго архива мы взяли правленскую аттестацію семинарскаго службы А. В-ча, его конспекты и разрядные его списки учениковъ. Изъ академическаго архива

мы извлекли кое-какія свѣдѣнія о костромской семинаріи, гдѣ учился первоначально А. В-чъ (семинаріи и училища въ старину были подвѣдомственны академіямъ), о приѣмныхъ въ Академіи экзаменахъ въ годъ перехода въ нее А. В-ча, кое-что объ ея состояніи въ это время, разрядные списки студентовъ, академическій аттестатъ А. В-ча и нѣкоторые документы, касающіеся его послѣдующей жизни, когда онъ состоялъ на службѣ въ Академіи.

Намъ, пришлось, наконецъ, выслушать живые рассказы объ А. В-чѣ его живыхъ учениковъ: А. П. Лебедева, И. Н. Корсунскаго и П. И. Горскаго. Они лучше всякихъ этихъ мертвыхъ книгъ, писемъ и бумагъ познакомили насъ съ личностію А. В-ча; за что мы и приносимъ имъ свою сердечную благодарность.

I.

Біографіи, сколько намъ не приходилось ихъ читать, подробному изложенію обстоятельствъ и условій жизни описываемаго лица обыкновенно предпосылають, хотя краткую, его „родословную“.

Едвали это—для того, чтобы только удовлетворить простому любопытству иного читателя, охотника до подобныхъ мелочей; думаемъ, здѣсь преслѣдуется болѣе глубокая и достойная дѣла цѣль—на основаніи психологическаго факта наследственности основныхъ характерныхъ чертъ выяснить, въ возможно большей мѣрѣ, предъ читателемъ изображаемую личность. Такому примѣру намѣрены были послѣдовать и мы, когда въ первый разъ бѣгло набрасывали свой планъ. Къ сожалѣнію, предположенная было нами въ началѣ экскурсія въ родовыя записи, -- отъ которой многого готовы были мы ждать, -- на дѣлѣ намъ не удалась: въ складѣ главныхъ нашихъ источниковъ—въ архивѣ покойнаго Александра Васильевича ничего подобнаго имъ не нашлось. Сохранившіяся въ немъ бумаги и письма дали намъ нѣсколько свѣдѣній лишь о ближайшемъ къ Ал. В—чу поколѣній—его родителяхъ. Этими-то свѣдѣніями и, въ дополненіе къ тому, кое-какими воспоминаніями людей, лично знавшихъ почившихъ ¹⁾, мы и спѣшимъ теперь воспользо- ваться здѣсь.

¹⁾ Ольги Петровны Салмановой, племянницы и крестницы А. В-ча и

Родители А. В—ча—Василій Сергѣевичъ и Ольга Косминична происходили изъ духовнаго званія, а по мѣсту рожденія были коренные Костромичи. Василій Сергѣевичъ—сынъ псаломщика или, по старинному, просто — дьячка Успенскаго городского собора; Ольга Косминична — дочь протоіерея при Іоанно-Златоустовской церкви. Родная Кострома наградила обоихъ и первоначальнымъ образованіемъ. В. С. сначала обучался въ духовномъ училищѣ, потомъ перешелъ въ семинарію. Окончивъ здѣсь философскій курсъ, онъ какъ „подававшій о себѣ хорошую надежду какъ по дарованіямъ и добронравію, такъ и по успѣхамъ“, по назначенію семинарскаго правленія и съ утвержденія преосвященнаго костромскаго Евгенія, отправился „для усовершенствованія въ познаніи высшихъ наукъ и образованія къ учительскимъ должностямъ“, въ Троицкую лаврскую семинарію ¹⁾. Пробывъ въ ней четыре года до полного окончанія курса, онъ возвратился (въ 1807 году) ²⁾ на родину и занялъ каѳедру російской словесности и краснорѣчія въ своей семинаріи. Ольга Косминична въ это время жила у своего отца, воспитываемая по старинному—больше въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи у родителей.

Судьба обоихъ устроилась чрезъ два три-года службы В. С—ча въ семинаріи; но какъ и благодаря чему: были-ли они раньше знакомы между собою домами или встрѣтились только предъ свадьбой случайно, благодаря участію какихъ нибудь „сватовъ“, совершенно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, думаемъ, — къ общему удовольствію ихъ родителей, потому что онъ былъ человѣкъ съ виднымъ положеніемъ, а она была дочь виднаго въ городѣ протоіерея. Два года послѣ брака В. С. съ молодой супругой жилъ у своего тестя (изъ нихъ одинъ—на полномъ его иждивеніи, по уговору); а потомъ, когда въ соборѣ освободилось мѣсто священника, онъ опредѣлился туда и перешелъ на собствен-

---

Маргариты Алексѣевны Соколовой, супруги старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ его, протоіерея Александра Кирилловича Соколова.

¹⁾ См. „Св.-Троицкія Сергіевы Лавры въ Семинарское правленіе Костромскаго Семинарскаго Правленія сообщеніе“ отъ 7-го сентября 1803 г. за № 171. хран. въ архивѣ Горскаго.

²⁾ Цисъмс В. С. Горскаго къ А. В-чу отъ 19 Янв. 1834 г., въ арх. Горскаго.

ную квартиру въ церковномъ домѣ, гдѣ жили всѣ соборяне. Въ это же, должно-быть, время онъ промѣнялъ и учительскую свою должность въ семинаріи на смотрительскую въ духовномъ училищѣ, которое помѣщалось около него рядомъ, въ другомъ, лишь домѣ.

Первымъ плодомъ брака В. С—ча и О. К—ны и былъ А. В—чъ. Онъ родился 16 Августа 1812 года ¹⁾. Послѣ Богъ благословилъ ихъ и еще дѣтьми — дочерью Юліей и сыномъ Владиміромъ. Всѣ трое не намного были старше одинъ другаго, разница заключалась не болѣе какъ въ двухъ годахъ между каждымъ. Съ такимъ юнымъ и небольшимъ семействомъ и зажили своимъ домомъ, по хозяйственному, его родители.

Не знаемъ точно, а думаемъ, что не долго смотрительствовалъ въ училищѣ В. С—чъ. Объ этомъ, впрочемъ, едвали онъ и жалѣлъ. Уроки, которые онъ постоянно имѣлъ у губернатора и во многихъ дворянскихъ домахъ ²⁾, доставляли ему гораздо больше матеріальныхъ средствъ, чѣмъ училищная служба. Вознагражденіе за нихъ и окладъ соборнаго жалованья въ общей ихъ сложности давали почтенную цифру, на которую, во всякомъ случаѣ, можно было жить безбѣдно; а при умѣньи хозяевъ—В. С. и О. К. иной разъ сократить себя и, что называется, соблюсти должную экономію, и вовсе это было легко. Совѣтъ В. С—ча, который онъ подавалъ дѣтямъ, когда они устроились и жили самостоятельно,—помнить и держаться въ жизни того правила, что „благоразумная хозяйственность, чуждая скупости и незнакомая съ расточительностію, и при посредственныхъ доходахъ можетъ устроить самое богатое довольство“ ³⁾, это—его собственное убѣжденіе, составившееся не путемъ какихъ-нибудь ариеметическихъ соображеній и выкладокъ на счетахъ, а вынесенное имъ прямо изъ самой дѣйствительности жизни. Этому правила всегда держался онъ самъ, и оно не обмануло его. В. С. и О. К., — говорятъ про

1) См. дату въ брошюрѣ Е. Н. Воронца: „Къ воспоминаніямъ о скончавшемся въ Бозѣ протоіерей А. В. Г-мъ“. Харьковъ. 1877 г. стр. 6.

2) Письмо В. С. Гор—го къ А. В—чу. отъ 19 Февраля 1834 г., въ арх. Горскаго.

3) Письмо В. С. Г—го къ А. В—чу отъ 23 Марта 1834 г., въ арх. Горскаго.

нихъ,—жили въ достаткѣ, хорошо. Мы вполне этому вѣримъ, ибо читая ихъ письма къ дѣтямъ, то и дѣло наталкиваешься на словечки, а по мѣстамъ — и на цѣлыя строки, которыя только подтверждаютъ это. На основаніи этихъ писемъ, въ нашемъ представленіи и сейчасъ предносится картина полного довольства въ ихъ домѣ во всемъ, начиная съ самыхъ стѣнъ. Вотъ на высококомъ берегу Волги, на самомъ его краю, предъ зеленой лужайкой—двухъэтажный бѣлый домъ. Въ бельэтажѣ свѣтлая, просторная квартира соборнаго священника, а потомъ протоіерея В. С—ча. Три большихъ комнаты, чистыя обои, заново выскобленные сосновые полы, устланные разными ковриками и половичками, до которыхъ и теперь охочи у насъ въ домахъ сельскихъ священниковъ; по стѣнамъ старинная мебель — какіе нибудь тяжеловѣсные, сплошь изъ дерева, стулья, массивныя кресла, диванъ, круглый предъ нимъ столъ ¹⁾ съ узорчатой льняной салфеткой, собственнаго на торгу выбора Ольги Косминичны ²⁾; на окнахъ горшки цвѣтовъ. Вездѣ все прибрано, все у мѣста. Приятно чувствовалось бы въ такой квартирѣ. Здѣсь живутъ сами хозяева съ дѣтьми. Сзади, въ какой нибудь маленькой пристройкѣ, кухнѣ, обитаетъ прислуга. На широкомъ дворѣ, у протоіерея полный хозяйственный инвентарь — сарай, сараюшки и погреба. Все свидѣтельствуетъ о благосостояніи дома.

По пословицѣ: „не красна изба углами, красна пирогами“; а въ избѣ у В. С-ча все было и красно и хорошо. Хороши прежде всего были сами хозяева. Оба они были люди глубоко религіозные, въ особенности—В. С. Онъ никогда не опускалъ службы церковной и сильно тосковалъ по ней, если по какимъ нибудь обстоятельствамъ не приводилось ему быть за ней ³⁾. Выдающаяся другая черта его религіозности—упованіе на Бога и полная покорность волѣ Его. Прочитайте его письмо, послушайте его живую рѣчь,—„такъ угодно Провидѣнію“, „все отъ Бога“, „Боже

¹⁾ Письмо Влад. Вас. Горскаго къ В. С—чу отъ 25 Декабря 1837 г., у О. П. Салмановой.

²⁾ Приписка О. К. на письмѣ В. С. Гор—го къ А. В—чу отъ 10 января 1833 года, въ арх. Горскаго.

³⁾ Приписка Ю. В. на письмѣ В. С-ча Г-го къ А. В-чу отъ 18 Марта 1857 г., въ арх. Горскаго.

благословеніе“, „Господь знаетъ“, „Господь благопоспѣшить“, вотъ все такія слова на устахъ его. Тоже и у Ольги Косминичны. Не знаемъ, откуда, рѣдкостная, говорятъ, доброта ихъ: природная ли была она у нихъ, или явилась просто какъ результатъ ихъ живой вѣры. Они умѣли сочувствовать горю и радости человѣка и всегда были готовы помочь ему и услужить. Правда, О. К-на была нѣсколько жестче В. С-ча: не обсудивъ предварительно цѣны для нея самой ею оказываемаго кому-нибудь одолженія, она не бросалась съ нимъ каждому на встрѣчу; а если ужъ рѣшалась на него, то старалась меньше потерпѣть отъ него урону для себя. Но въ общемъ всетаки и она была добрая женщина. Эти двѣ отличительныя черты характера и В. С-ча и О. К-ны вершила въ нихъ еще третья—замѣчательный у обоихъ умъ, не какой нибудь книжный, наживной, а—природный, природная здравая разсудительность. Не даромъ многіе въ Костромѣ по семейнымъ дѣламъ за совѣтомъ обращались къ В. С-чу. Прекрасная-бы рекомендація и для всякаго.

Отличныя были и домашніе порядки у нихъ. Все было патриархально, просто. В. С. былъ главою дома,—лицомъ, около котораго группировались и члены семейства и равно интересы его. Всему и надъ всѣмъ былъ онъ здѣсь наибольшій: все дѣлалось и шло съ его вѣдома и съ его спроса. Свое главенствующее положеніе онъ никому никогда не навязывалъ; но въ семьѣ всѣ одинаково хорошо его чувствовали и понимали. При всемъ этомъ его отношенія къ супругѣ и дѣтямъ ни чуть не походили на домостроевскія отношенія главы—отца къ своимъ чадамъ и домоладцамъ. При добротѣ и мягкости В. С-ча и при твердости характера О. К-ны здѣсь не возможны были они. Даже больше, — выходило у обоихъ приблизительно вотъ что: О. К-на, напр., по домашнимъ дѣламъ обращалась и докладывала о всемъ В. С-чу; но умѣла сдѣлать всегда это такъ, что В. С. у ней же и спрашивалъ мнѣнія по нимъ, и оно было рѣшительнымъ. На дѣлѣ ея голосъ имѣлъ перевѣсъ. Благодаря видимому во всемъ согласію съ нею В. С-ча значительно поднимался въ глазахъ другихъ ея собственный авторитетъ, и ее всѣ уважали. Замѣчательно для нихъ обоихъ то, что на семейную жизнь вообще они

смотрѣли какъ будто другими глазами, чѣмъ всѣ; именно—какъ на особое дѣло Божіе, содѣваемое каждымъ на созиданіе свое ко благу ближнихъ. Оттого въ ней выходила у нихъ такая уставность, чинность, торжественность во всемъ. Возьмите, напр., ихъ семейные или годовые праздники: 14 марта—день празднованія Феодоровской иконы Божіей Матери, 8 іюня—память Феодора Стратилата, Успенъевъ день, Рождество, Пасху, именины ихъ и дѣтей. Это, вѣдь, не обычные, какъ у людей, праздники—пиршества и веселіе, а дни тихаго, скромнаго времяпровожденія въ обществѣ родныхъ и знакомыхъ, скорѣе—во славу Божию, чѣмъ ради какого-либо удовольствія. Потому и справлялись они у нихъ по особому, на свой ладъ. Храмовой, напр., праздникъ 14 марта начинался съ торжества въ церкви. Утромъ къ В. С. пріѣзжалъ архіерей, всегда приглашаемый на этотъ день, а изъ его дома, при торжественныхъ проводахъ, отправлялся къ литургіи въ соборъ. Послѣ нея у В. С-ча, обыкновенно, учреждалась для знатныхъ гостей обильная трапеза. Присутствовали архіерей, губернаторъ, предводитель дворянства, купеческій голова и болѣе уважаемые изъ духовенства. Когда этимъ оффиціальная, такъ сказать, часть празднества кончалась, начиналось домашнее, семейное. Являлись всѣ родные, которыхъ, кстати замѣтить, не мало было въ городѣ у В. С-ча, и проводили день до вечера. Послѣ поздняго обѣда они расходились, оставляя въ радушныхъ хозяевахъ одно лишь пріятное чувство общенія съ глазу на глазъ съ своими „кровными“. Или вотъ посты, и особенно великій постъ. Ужъ ничѣмъ не нарушится, бывало, въ домѣ В. С-ча ихъ святость. Самъ онъ положительно истощалъ себя постной пищей ¹⁾; а службу церковную, которую и всегда-то онъ не опускалъ, тутъ посѣщалъ особенно усердно, привлекая къ ней и домашнихъ ²⁾. На одной какой-либо недѣлѣ они обязательно всѣ вмѣстѣ говѣли. Всѣ дѣла откладывались тогда въ сторону. О своемъ говѣннѣ, бывало, они заранѣе извѣщали въ посадѣ А. В-ча и онъ уже зналъ ³⁾, что нельзя

¹⁾ Приписка Ю. В. на письмѣ В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 18 марта 1857 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Письмо В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 9 марта 1834 г., въ арх. Горскаго.

ихъ тревожить ничѣмъ, и письмами. Порядокъ, порядокъ во всемъ—именно въ такомъ духѣ, какъ его мы представили — первое у В. С-ча дѣло: безъ него, по его понятіямъ, не существуетъ счастливо ни одна семья, ни одинъ домъ. Вотъ почему, осуществляя его у себя, онъ постоянно чрезъ А. В-ча, послѣ, справлялся относительно Ю. В-ны и ея мужа: „все-ли семейное у нихъ идетъ такимъ добрымъ порядкомъ, какому надобно быть“¹⁾, и былъ покоенъ, когда отвѣчали ему—да²⁾).

Въ такихъ семейныхъ условіяхъ и такой домашней обстановкѣ протекли дѣтскіе годы А. В-ча,—„Сашеньки“, какъ всегда звали его родители. Воспитывался онъ,—будемъ говорить теперь почти словами А. В-ча,—подъ грозящимъ жезломъ скромности; рука отеческой попечительности, всегда опасливой, делѣяла его и въ ту же пору ковала ему тяжелыя оковы, которыя глубоко заросли потомъ въ его душу. Домашнее его обученіе было недолговременно; онъ скоро понималъ, что ему передавали. Но не осуждая его воспитателей, нужно замѣтить, что передавали ему пищу не въ томъ видѣ, въ какомъ требовалось по его способностямъ; они держались того застарѣлаго правила: учи, что тебѣ дано, послѣ подумаешь о томъ, что выучилъ; его не понимали, не понимали можетъ быть и труднѣйшей науки воспитанія. Оттого онъ болѣе оказывалъ себя съ той стороны, гдѣ мало требовалось его самодѣйствіе, гдѣ довольно было обставить себя трудами чужими. Бѣдно было образованіе ума его, еще бѣднѣе—его сердца. Этимъ не то хотимъ сказать, чтобы нравственная сторона его души оставлена была въ совершенномъ пренебреженіи; напротивъ, впоследствии онъ благодарилъ Бога за такихъ вѣрныхъ и вѣстуновъ, которыхъ мудрыя наставленія, переданныя его душѣ, и правила, затверженные въ глубинѣ души, все время держали его на добромъ пути. Но онъ тогда жалѣлъ: для чего они не постарались основать его нравственность на его собственныхъ чувствованіяхъ, для чего въ его сердцѣ не потрудились раскрыть ему Бога и Его святую религію; и для чего то, что должно быть его собственностію на всю

1) Письмо В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 9 Марта 1834 г., въ арх. Горск.

2) Письмо В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 23 марта 1834 г., въ арх. Горск.

вѣчность, занято имъ со стороны. Главнымъ и почти общимъ методомъ воспитанія сердца въ тѣ времена было образованіе чувства строжайшей подзаконности, основывающейся не на любви сердца, а на чувствѣ страха и боли наказаній. Такимъ образомъ лѣта его дѣтства текли тихо, скромно, мертво, его не выводили ни въ какое общество, а дома онъ жилъ всегда только со взрослыми, какъ монастырка въ своей кельѣ. Лѣтъ восьми его отдали въ духовное училище. Нѣсколько дѣятельнѣе пошла его жизнь, когда въ училищѣ онъ ознакомился со множествомъ шалуновъ; онъ былъ не изъ послѣднихъ между ними, но и не между первыми; буйныя силы души его прорывались, но скоро входили въ границы, для нихъ строго опредѣленные. Вотъ очеркъ его дѣтства ¹⁾. О ходѣ его образованія въ училищѣ и потомъ въ семинаріи намъ мало извѣстно. Знаемъ только то, что благодаря помощи отца онъ хорошо учился ²⁾. Его высоко писали между товарищами и особенно хвалили за скромность ³⁾.

Шли одинъ за другимъ годы. А. В-чъ былъ въ философскомъ отдѣленіи и держалъ предъ лѣтнею ваканціей экзаменъ, готовясь перейти на богословскій курсъ. Случилось пріѣхать тогда въ семинарію ревизору, — и жизнь юнаго философа сразу приняла иное теченіе, къ совершенной неожиданности и его самаго и родителей его: вопреки семинарскимъ порядкамъ, онъ прямо изъ философскаго класса, минуя богословскій, назначенъ былъ для продолженія образованія въ Московскую Духовную Академію. Случилось это такъ. Въ Московской Академіи 1828-й годъ былъ „курсовымъ“ годомъ, — такимъ, въ который одни студенты, оканчивая курсъ, выходили изъ нея, другіе въ нее поступали. Академическое правленіе, озабочивалось составленіемъ новаго курса, въ апрѣльскомъ собраніи своемъ постановило:

¹⁾ Дневникъ А. В-ча Г-го, въ „Прибавленіяхъ къ изданію Твореній Св. Отцевъ“. Т. XXXIV, стр. 86—88.

²⁾ Въ архивѣ А. В-ча сохранился стъ семинарскаго времени собственно-ручно сдѣланный имъ переводъ съ латинскаго языка одного чьего-то разсужденія „о пользѣ наукъ и искусствъ“. Видно, рука отца не разъ прошлась по нему, чтобы сдѣлать его сноснымъ для учителя.

³⁾ См. разрядные списки и вѣдомость о поведеніи учениковъ Костромской семинаріи за 1827 и 1828 гг. въ дѣлахъ Академ. Правленія.

1) „для составленія будущаго учебнаго курса вытребовать пятьдесятъ воспитанниковъ изъ семинарій Московскаго и Казанскаго округовъ (изъ Костромской, между прочимъ, троихъ); 2) препроводить такое распоряженіе Академическаго Правленія Коммисіи Духовныхъ училищъ на утверженіе, представивъ въ тоже время на ея благоусмотрѣніе мѣніе Академическаго Правленія о томъ, чтобы при истребованіи изъ помянутыхъ семинарій воспитанниковъ дозволить семинарскимъ правленіямъ избирать на сей предметъ учениковъ и изъ средняго отдѣленія, буде въ высшемъ не найдутся ученики къ тому способные: такъ какъ—объясняло Правленіе свое требованіе—съ сей стороны извѣстна Академическому Правленію Нижегородская семинарія“¹⁾. 7 іюня отъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ послѣдовало въ Академію на ея постановленія согласіе²⁾, въ силу чего Правленіе съ своей стороны сдѣлало соотвѣтствующее по семинаріямъ распоряженіе и при этомъ опредѣлило: „выборъ воспитанниковъ въ составъ 8-го Академическаго курса въ семинаріяхъ: Рязанской, Тульской, Ярославской и Костромской препоручить назначаемымъ туда ревизорамъ“; о чемъ и дано было имъ знать³⁾. Ревизоромъ Костромской семинаріи былъ тогда бакалавръ Академіи іеромонахъ Аеанасій. Прибывъ въ семинарію 11-го іюля, онъ въ теченіи недѣли до 18-го числа выполнилъ главное свое дѣло и уже рапортовалъ въ Академію, что онъ произвелъ внутреннія и публичныя испытанія воспитанникамъ семинаріи, рассмотрѣлъ ихъ сочиненія, ознакомился въ ней съ воспитательною и экономическою частями и что можно было, къ исправленію въ нихъ, сдѣлать личнымъ на мѣстѣ распоряженіемъ, то сдѣлалъ“⁴⁾. Тутъ на экзаменахъ онъ замѣтилъ выдающіяся способности ученика Горскаго: ему онъ отвѣчалъ четыре раза⁵⁾ и всегда такъ удачно, что по окон-

¹⁾ Копія журнала внутр. Акад. Правлен. отъ 23 апр. 1828 г.

²⁾ Комм. Д. У. Моск. Акад. Правл. предписаніе отъ 7 іюня 1828 г., въ дѣлахъ внутр. Акад. Правлен.

³⁾ Копія журн. внутр. Акад. Правл. отъ 18 іюня 1828 года.

⁴⁾ См. „Въ Правлен. М. Д. А. обозрѣвающаго Костром. Семинар. бакк. іеромон. Аеанасія донесеніе съ выпискою изъ журналовъ его занятій при обозрѣн. Семинаріи отъ 25 іюля 1828 г., въ дѣл. Акад. Правл.

⁵⁾ 11-го іюля—по греческому яз., 12-го по философій, 13-го—по мате-

чаніи экзаменовъ въ разрядномъ спискѣ былъ записанъ первымъ ¹⁾). Когда въ богословскомъ классѣ не оказалось достойныхъ перевода въ Академію учениковъ, выборъ ревизора палъ на Горскаго. Въ августѣ мѣсяцѣ Семинарское Правленіе предлагало было Академическому Правленію къ переводу въ Академію еще двухъ воспитанниковъ, —предшествующаго только выпуска, но оно отклонило это предложеніе ²⁾). Александру В-чу предстояло такимъ образомъ одному быть представителемъ костромской семинаріи на экзаменахъ въ Академіи.

А. В-чъ, услышавъ о своемъ назначеніи, едва ли сознавалъ всю важность дѣла, какъ и всѣ молодые люди, еще легкомысленные и самонадѣянные; онъ скорѣе мечталъ объ академической жизни — какъ пойдетъ она, когда будетъ принять онъ въ Академію. За то, думаемъ, удивленію, опасеніямъ и душевнымъ тревогамъ родителей, не было и конца: сынъ былъ слишкомъ молодъ, духовныя силы его еще не окрѣпли, а между тѣмъ его посылають въ Академію, —въ святилище науки, гдѣ онъ долженъ будетъ подвергнуться предварительно испытанію — не такому, какъ въ семинаріи, въ присутствіи двухъ-трехъ давно съ ними знакомыхъ учителей, а серьезному предъ цѣлымъ ареопагомъ ученыхъ профессоровъ по всѣмъ правиламъ строгости. Не мало беспокоилъ ихъ также отъѣздъ Сашеньки за цѣлыя сотни верстъ, когда онъ дальше своей Костромы никуда и не выѣзжалъ, —и предстоящая ему жизнь, въ новой, —Богъ вѣсть, какой, думали они, —средѣ, въ новой обстановкѣ. Къ всегдашней попечительности ихъ о дѣтяхъ прибавлялась теперь для нихъ новая тяжелая забота —отправить въ Академію сына.

Лѣтній мѣсяцъ, который полагался въ семинаріи ученикамъ на каникулы, вѣроятно, въ этихъ заботахъ и прошелъ у родителей и у А. В-ча. В. С., думаемъ, не мало

матическ. наук. и 17-го на публичномъ экзаменѣ. (Бакк. іером. Аванасія донесеніе отъ 25 іюля 1828 г., въ дѣл. Ак. Прав.).

¹⁾ „Правленія Костр. Дух. Семинаріи представленіе въ правлен. М. Д. А. отъ 31 іюля 1828 г. за № 405. Съ разрядными списками учениковъ“, въ дѣл. Акад. Правл.

²⁾ „Копія предписанія Правлен. М. Д. Ак. Правленію Костр. Семинар. отъ 10 авг. 1828 г. за № 673.

положилъ труда въ приготовленіи сына. Въ половинѣ августа, запасшись нужными изъ семинаріи документами, обрядивъ себя въ новый, выданный въ семинаріи ему костюмъ: суконный сюртукъ, казinetовые брюки, бѣлую на шею косынку, сапоги и картузь, отправился А. В-чъ въ путь ¹⁾. Отецъ сначала хотѣлъ сопровождать его, но приключились, должно быть, какія нибудь въ дорогѣ обстоятельства и онъ вернулся въ Кострому ²⁾.

А. В-чъ прибылъ въ Академію одинъ. Ждать въ Академіи экзаменовъ собравшимся въ нее воспитанникамъ семинаріи пришлось очень недолго. Къ 15 августа по распоряженію Академическаго Правленія они должны были явиться въ Академію, а 18-го экзамены у нихъ уже начались. На первый разъ экзаменуемымъ была предложена для письменнаго упражненія задача на латинскомъ языкѣ: „Num ratio, quae lux veritatis et dux vitae nuncupari solet, hominem ad veram sui destinationem perducere queat?“ Потомъ, 20 числа, было устное испытаніе по классу богословія; 21-го дана задача на російскомъ языкѣ на тему: „Что значать и чѣмъ между собою различаются человѣкъ плотскій, душевный и духовный?“ Въ слѣдующіе три дня производились испытанія по философіи, греческому и еврейскому языкамъ. Каждый разъ въ экзаменаціонной комиссіи засѣдали всѣ члены Правленія и Конференціи, человѣкъ до семи ³⁾.

Не знаемъ, о чемъ спрашивали на экзаменахъ А. В-ча и какъ онъ отвѣчалъ, но мы имѣемъ подѣ руками обѣ его экзаменическія задачи ⁴⁾. На первой, латинской, уложившейся на трехъ страницахъ, читавшимъ ее профессоромъ (кажется, —*Θ. А. Голубинскимъ*) написано: „bona spes de te pollicetur. Радуюсь“; на второй стоитъ отмѣтка: „очень

¹⁾ Копія предписанія правлен. М. Д. А. въ правлен. Костр. Семин. отъ 23 юля 1828 г. за № 515. Сп. Представлен. правл. Костр. Семин. въ правлен. М. Д. Акад. съ отчетами въ Семинарск. суммахъ отъ 31 янв. 1828 г. за № 49, въ дѣл. Акад. Правл.

²⁾ Письмо В. С. Г-го къ *Θ. А. Голубинскому* отъ 18 авг. 1828 года, у Дм. *Θед. Голубинскаго*.

³⁾ Копія журнала внутр. Акад. Правл. отъ 18 авг. 1828 г., въ дѣлахъ Правленія.

⁴⁾ Хран. въ арх. Горскаго.

хорошо“—Любопытно взглянуть, какъ авторъ рѣшалъ тогда вопросъ въ послѣдней, напр., задачѣ. Въ началѣ своей „диссертаци“ онъ первымъ долгомъ указываетъ свою точку зрѣнія на предметъ. „Вѣрное и внимательное, — пишетъ онъ,—око наблюдателей разнообразныхъ дѣйствій человѣческихъ невольно замѣчаетъ въ людяхъ различныя степени ихъ просвѣщенія въ вѣрѣ и усовершенствованія въ добродѣтели. И слово Божіе по сему неравенству однихъ называетъ плотскими, другихъ душевными, третьихъ духовными“.... Опредѣленія: плотскій, душевный и духовный, по нашему, не больше, значать, какъ простыя обозначенія различныхъ степеней нравственнаго совершенства человѣка. Къ развитію и поясненію того и клонится у него дальнѣйшая рѣчь. Человѣкъ плотскій — „который мыслить по плоти и живетъ единственно для плоти, забывъ Бога“, душевный—типъ евангельскаго фарисея — лицемеръ: его благочестіе лишь показное и къ нему прибѣгаетъ онъ по мѣрѣ надобности, въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. „Какъ душа по раздѣленію нѣкоторыхъ любомудровъ и по словамъ ап. Павла (1 Солунян. 5, 23) занимаетъ среднее мѣсто между тѣломъ и духомъ, такъ и душевный человѣкъ—нѣчто среднее между духовнымъ и плотскимъ“. Духовный человѣкъ—храмъ Божій, „и языкомъ его, и мыслию, и желаніями—всѣмъ и во всемъ управляетъ Духъ Святой“. „Вотъ немногія отличительныя черты людей плотскихъ, душевныхъ и духовныхъ“ — заканчиваетъ свое разсужденіе авторъ.—Если бы послѣднія слова не были пустой, ничего не значущей фразой для „казеннаго“, что называется, заключенія въ сочиненіи, а были употреблены авторомъ въ смыслѣ оговорки въ томъ, что изъ нѣсколькихъ возможныхъ и ему извѣстныхъ рѣшеній вопроса онъ „по независящимъ отъ него обстоятельствамъ“ (краткости времени для исполненія работы) выбираетъ только одно: тогда слѣдовало-бы воздержаться отъ рѣшительнаго сужденія объ умственномъ развитіи его; но здѣсь авторъ постарался, кажется, выложить всѣ свои знанія; значитъ никто не лишается этого права. „Вѣрное и внимательное око наблюдателей“, по нашему, сейчасъ же должно замѣтить въ авторѣ разсужденія еще не обильный запасъ богословскихъ познаній и не глубокую силу мышленія. Рѣшеніе вопроса у него вышло слиш-

комъ узко, шаблонно, а это оттого, что онъ не сдѣлалъ справокъ съ греческимъ подлинникомъ и контекстомъ. Сочиненіе не безупречно даже и со стороны языка и склада. Вообще, философъ виденъ въ авторѣ еще юный и далеко не зрѣлый. По требованіямъ, какія теперь предъявляются къ экзаменическимъ работамъ поступающихъ въ Академію, задача А. В-ча оказалась-бы неудовлѣтворительной и самъ авторъ ея очутился бы, вѣроятно, далеко за чертою тѣхъ счастливицевъ, которые совѣтомъ академіи признаются „подготовленными къ слушанію академическихъ лекцій“ и оставляются въ ней. Но, вѣдь, tempora mutantur. А. В-чъ былъ удостоенъ за нее даже одиннадцатаго мѣста въ разрядномъ списокѣ вновь принятыхъ въ академію студентовъ ¹⁾).

Во время пріемныхъ экзаменовъ въ академіи А. В-чъ, по всей вѣроятности, извѣщалъ отца о своихъ успѣхахъ. Посмотрѣть эту переписку было-бы интересно теперь: она во многомъ дополнила-бы наши сообщенія о нихъ. Къ сожалѣнію, она не сохранилась. Уцѣлѣло только одно письмо отца и то не къ сыну, а къ профессору Θεодору Александровичу Голубинскому, съ которымъ, какъ землякъ, онъ былъ давно знакомъ. Поручая его доброму вниманію и надзору шестнадцатилѣтняго сына, В. С-чъ пишетъ ему: „высокопреподобнѣйшій отецъ, неизмѣнный благодѣтель! Θεодоръ Александровичъ! Черезъ двадцать одинъ годъ съ тѣмъ единственно ѣхалъ я въ Лавру, чтобъ лично поручить Вашему отеческому покровительству незрѣлаго сына: между тѣмъ Вы видите его безъ меня: --- и первый взоръ Вашъ ясно проникаетъ, какъ рано молодое деревцо съ отечественнаго грунта пересажено въ вертоградъ, требующій и возмужалости и крѣпости. Такъ суждено начальствомъ, такъ угодно Провидѣнію! Не смѣю пререкать ни тому, — ни другому. Но я до тѣхъ поръ устрасался за сына моего предлагающаго ему поприща, доколѣ не успокоилъ себя мыслию, что въ Вашемъ Высокопреподобіи буду имѣть искусившаго попромногу путеводителя. Добротою сердца Вашего умоляю Васъ принять неопытность въ Ваше опытнѣйшее водительство. Полной Вашей волѣ ввѣряя участь сына, и

¹⁾ Копія журн. внутр. Акад. Правл. отъ 18 авг. 1828 г., въ дѣлахъ Правленія.

не сумнѣваюсь въ его счастіи — а въ моемъ спокойствіи. Не исчисляю нужды, его ожидающія, потому что оставляю его въ безусловной его къ Вамъ преданности. Ваше слово, Вашъ взоръ, Ваше желаніе, Ваша мысль—для него правдо. — Среди множества вашихъ занятій не отрекитесь о счастливливать его Вашимъ безцѣннымъ для него вниманіемъ. Все то признаю я для него и полезнымъ, и нужнымъ, и священнымъ, что Вы ему назначите, что Вы отъ него потребуете. Вотъ чѣмъ ограничиваю мою всепокорнѣйшую до Васъ просьбу. Не болѣе-бы осмѣлился я и желать отъ Васъ и беспокоить Васъ при личномъ моемъ съ Вами свиданіи ¹⁾. Характеристичное для отношеній В. С-ча къ сыну, письмо это важно какъ документъ, устанавливавшій будущія отношенія студента Горскаго къ знаменитому профессору. Теодоръ Александровичъ, къ чести его замѣтить, въ продолженіи всего академическаго курса былъ настолько добръ къ А. В-чу, что постоянно помогалъ ему въ работахъ и совѣтомъ и наставленіемъ, а иногда — и самымъ дѣломъ ²⁾, принялъ его у себя въ домѣ и доставилъ потомъ еще другія знакомства ³⁾. Родители А. В-ча видѣли это расположеніе Теодора Александровича къ ихъ сыну. Василій Сергѣевичъ не разъ въ письмахъ глубоко благодарилъ его за такое вниманіе, а Ольга Косминична присылала его супругѣ, въ благодарность за ея ласки, даже гостинцы, прося каждый разъ принять ихъ „для любезнѣйшей малюточки ея“ ⁴⁾. При благотворномъ влияніи и содѣйствіи Теодора Александровича А. В-чъ шелъ въ числѣ первыхъ студентовъ въ Академіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Поповъ.

¹⁾ Письмо отъ 18 августа 1828 г., у Д. Θ. Голубинскаго.

²⁾ Въ арх. Горскаго между его студенческими сочиненіями сохранилось въ черновомъ видѣ слово его на день Іоанна Богослова. Видны на немъ поправки карандашомъ—рукою, кажется, Θ. А. Голубинскаго.

³⁾ Дневникъ А. В. Г—го, въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. стцевъ“. Т. XXXIV, стр. 89.

⁴⁾ Письмо къ Теодору Александровичу Голубинскому отъ 16 августа 1831 года.